

АМИНА ВОЛКОВА

ИЗМЕНА МУЖА.
Ты подарил любовнице
МОЮ карьеру!

Амина Волкова

**Измена мужа. Ты подарил
любовнице мою карьеру!**

«Автор»

2026

Волкова А.

Измена мужа. Ты подарил любовнице мою карьеру! /

А. Волкова — «Автор», 2026

На вручении архитектурной премии мой муж вышел за наградой за проект, который создала я. А когда попыталась возразить, охрана выволокла меня из зала.— Ты больна, Вероника. Подпиши отказ от авторских прав и исчезни! Артём поселил любовницу в нашей квартире, подделал диагноз и оставил меня без работы. Только одну вещь он не учёл: в украденных чертежах скрыта ошибка, способная погубить людей. Максим Тарасов, опасный конкурент мужа, предлагает мне защиту и контракт. Но его условия пугающе похожи на новую клетку. Я верну своё имя, спасу тех, кому угрожает обрушение, и заставлю предателя ответить. Но смогу ли остаться свободной рядом с Максимом?

© Волкова А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	11
Глава 4	14
Глава 5	17
Глава 6	19
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Амина Волкова

Измена мужа. Ты подарил любовнице мою карьеру!

Глава 1

На сцене проверяли микрофон, а я всё держала планшет, хотя показывать его сегодня никому не собиралась. Думала, вдруг после награждения спросят про вентиляцию, про пролёты — открою схему, объясню. Полгода доводила этот проект, и почти все знакомые в зале уже успели его похвалить. Только фамилия на экране пока не появилась. Артём успокаивал меня ещё дома: «Ты гений, Ника. Только не показывай им свои наброски, пусть думают, что это магия корпорации». Я тогда даже улыбнулась. Ну да, магия. Особенно в три ночи, когда снова не сходится расчёт, а кофе давно холодный.

На экране открылся «Горизонт». Я узнала свой рендер по входной арке, по расположению окон. Ещё чуть-чуть — и переключат на рабочую схему вентиляции, которую я довела последней. Но внизу уже стояла подпись: «Артём Лещев». Я поискала глазами продолжение строки. Моей фамилии там не было.

Я ещё ждала, что под его фамилией появится моя. Экран не менялся. Ведущий уже поднёс микрофон: — Прошу встретить создателя шедевра! Директор компании «Монолит», Артём Лещев!

Артём поднялся на сцену под аплодисменты. Тёмно-синий костюм сидел прекрасно — сама выбрала ему этот цвет. Он повернулся к камере, улыбнулся, поправил микрофон. На меня так и не посмотрел. Я сидела всего в третьем ряду; он знал, где именно. Может, сейчас скажет? Поблагодарит? Я ещё цеплялась за эту возможность, пока он устраивался под светом.

Я встала. Ноги стали ватными. Шаг вперед. Ещё один. — Артём! — выдохнула я, но мой голос утонул в гуле толпы.

Он заговорил о том, как чертил по ночам и спал в офисе. Слушать стало трудно: я ведь знала эти ночи. В ту, которую он сейчас назвал, я просчитывала вентиляцию на кухне, а он просил не стучать по клавишам — мешала спать. Я подняла планшет повыше и шагнула туда, куда падал свет. Если он не собирается назвать меня, придётся подойти самой.

У прохода меня остановил охранник. Пришлось поднять голову: он заслонил и сцену, и экран. — Сядьте, пожалуйста, гражданка. Вы мешаете обзору. — Это моя работа! — крикнула я ему в лицо. Кто-то перестал хлопать. Я услышала собственный голос и повторила бы громче, если бы дали.

Лиза вышла из-за кулис и взялась за моё плечо. Её пальцы сжали ткань так, что шов потянул кожу. Я знала её как пиарщицу Артёма. И знала, почему она так уверенно распоряжается мной. — Сядь, истеричка. Ты всё испортишь. Сядь, или будет хуже, — сказала она прямо в ухо. От её дыхания пахло мятными конфетами. Я попыталась сбросить руку.

Я вырвалась. Плечи дёрнулись, боль пронзила ключицу. — Артём! Посмотри на них! На оригиналы! На метаданные файлов! Они твоими руками не сделаны!

Я смотрела на мужа, всё ещё ожидая, что он поправит ведущего. Артём ответил мне коротким взглядом и отвернулся. Он поднял руку, и я по привычке шагнула к нему: он так подзывал меня на встречах. Но смотрел муж через моё плечо. За спиной охранник уже снялся с места.

Один охранник заломил мне кисть, второй навалился на спину. Я не успела опомниться: пыталась удержаться ногами, уцепиться за рукав, дотянуться зубами до руки. Меня прижали

к ковру. Из груди вырвался звук, совсем не похожий на слово. Когда подняли, с ноги слетела туфля и стукнула о колонну. Другая нога скользила; я никак не могла опереться, а меня уже тащили дальше. На кремовом покрытии оставался грязный след моей ступни.

Артём продолжал говорить. Его голос стал громче, перекрывая мои всхлипы и хрипы. — ...И именно поэтому «Горизонт» станет символом нового времени!

Из зала опять донеслись аплодисменты. Мужу хлопали, пока меня тащили за дверь; я пыталась перекричать их и только надрывала горло. Во рту было солоно. Прикусила губу, когда охранник прижал меня к полу, и теперь кровь попадала на язык. Хотелось остановиться хотя бы на секунду, вдохнуть, показать планшет. Они не давали.

За служебной дверью меня отпустили так резко, что пришлось прислониться к стене. Всё ещё слышала музыку, но слов Артёма уже не разобрать. Лиза вышла следом, достала сигарету, закурила. Рядом лежала моя туфля — охранник принёс и бросил к ногам. Я смотрела на неё, пытаюсь понять, смогу ли нагнуться и обуться, не упав.

— Знаешь, Ника, — начала она мягко, почти сочувственно. — Артём очень переживает за твоё здоровье. «Эмоциональная нестабильность», диагноз поставлен сегодня публично. Красиво. Убедительно. Я открыла рот, но слова застряли в горле. — Документы на развод уже поданы. И на отстранение тебя от управления фирмой тоже. Твои акции... ну, ты понимаешь. Если ты сейчас не замолчишь и не исчезнешь, он подаст на тебя в суд за клевету и порчу имущества. Видела витрину? Разбилась, кстати, когда тебя выносили. Записано на камеру.

Попробовала встать и заглянуть за дверь: какую витрину я разбила? Лиза шагнула через мою туфлю. Я потянулась к её воротнику, но не достала — колени снова подогнулись. Пришлось сесть на пол, прямо у стены. Через платье чувствовался каждый шов кафеля. Лиза курила рядом, стряхивала пепел; дверь в зал так и не открылась. Если бы кто-нибудь вышел, я бы попросила хотя бы воды. У неё просить не собиралась.

Такси остановилось у нашего дома. Я дошла до квартиры и попыталась повернуть ключ, прежде чем поняла: он не входит до конца. В замке блеснул другой металл. Утром, пока я одевалась на премьеру, Артём уже успел сменить личинку. Изнутри открыли; я вошла и остановилась в гостиной. Мои книги, одежда, чертежи лежали в чёрных мешках у стены. На столе оставили черновую папку с набросками. Нужно было проверить, чего там больше нет, но я всё стояла перед мешками, не умея взяться за первый.

В первом мешке вместе с одеждой оказалась блузка, которую он подарил на годовщину. Вытянула её за рукав и бросила обратно: сейчас нужен был паспорт, а не его подарки. Телефон вибрировал без конца. Коллеги спрашивали, зачем я сорвала презентацию; знакомые пересказывали, что видели охранники. Одно сообщение я прочла дважды: «Артём сказал, что тебе нужна помощь. Психиатр». Значит, он уже позвонил им. А мне ещё только предстояло набраться сил ответить.

Я швырнула телефон в сторону мешков. Он ударился о пол экраном вниз. Подняла — трещина. Прекрасно, ещё и это. В ту же секунду зазвонил стационарный. Взяла трубку, заранее зная, кто звонит. — Вероника, — начал Артём своим деловым голосом, — мы можем решить это тихо. Подпиши отказ от прав на интеллектуальную собственность и заявление о добровольном уходе из компании. Завтра же. — Ты украл мой проект. — Ты украла мою репутацию своим поведением. Или ты подписываешь, или я сажаю тебя. Статья реальная, срок реальный. А твой дом... дом теперь мой. Ты здесь никто.

Я прижала трубку к уху, хотя Артём уже замолчал. Про тюрьму он сказал как про выключенный свет: сделай, я велел. Ответить хотелось сразу — рассказать ему про внешний сервер, на который я копировала исходники. Но сперва нужно проверить доступ. Пусть считает, что всё осталось в его ящиках. С геологией тоже ещё придётся разбираться: он спрятал отчёты, однако я помнила, что мы рассчитывали под эти грунты. Укороченные сваи там негодились. Трещин мне пока никто не показывал; ждать, пока покажут, было нельзя.

Повесив трубку, я вышла на балкон и задержалась у перил. Мартовский ветер задувал под платье. Внизу ехали машины; хотелось думать о людях за окнами — у них сейчас ужин, телевизор, обычный вечер. У нашего подъезда стоял чёрный внедорожник. Я стала смотреть на него. Дверца открылась, мужчина в длинном пальто вышел и закурил. Зажигалка вспыхнула возле лица, но с двенадцатого этажа я не могла разобрать черты. Когда он поднял голову, мне вспомнилась фотография в журнале. Неужели Максим Тарасов, конкурент «Монолита»? Он смотрел в мою сторону.

Он всё смотрел вверх. С двенадцатого этажа я различала только поднятое лицо, но он не уходил. Я хотела закрыть дверь. Спрятаться в темноте квартиры, среди своих мешков и боли. Я осталась у перил. Вернуться внутрь значило снова смотреть на чёрные мешки; здесь хотя бы происходило что-то, чего Артём мне не объяснил. Тарасов приехал без приглашения. Я знала его по сделкам с землёй и ни разу не слышала, чтобы он помогал кому-то бесплатно. Он мог предложить дело — или ещё одну бумагу, которую придётся подписать. С ним можно было говорить только о работе. Просить жалости у второго такого мужчины я бы не выдержала.

Тарасов оставался внизу. Я отошла от перил и забрала планшет: если заговорит со мной у подъезда, лучше открыть чертёж сразу. Про мою истерику он уже мог прочесть, про работу пусть спросит сам. У двери задержалась ещё на секунду, проверяя экран. Включился. Это было всё, что я сейчас могла ему показать без разрешения Артёма.

Глава 2

Утром я вернулась к квартире за документами. Ночь просидела в круглосуточном кафе: после звонка Артёма оставаться среди мешков не смогла. В подъезде было прохладно, и у виска снова запульсировало. Я стояла перед своей дверью — той самой, с бронзовой ручкой в форме львиной головы, которую мы купили вместе на блошином рынке семь лет назад. Бронза быстро согрелась под ладонью. Я держалась за ручку, хотя открыть дверь теперь мог только человек с другой стороны.

Дверь открылась раньше, чем я успела нажать звонок.

Лиза Кравец стояла на пороге, закрывая собой проход. Она была в шелковом халате цвета шампанского, волосы собраны в пучок. Она выглядела так, будто уже успела здесь позавтракать и собиралась провести обычное утро. В руках она держала фарфоровую кружку, из которой тянулся пар от кофе. Аромат эспresso ударил мне в нос, вызвав тошноту. Я не ела со вчерашнего утра.

— Вероника? — Лиза приподняла бровь, делая вид, что удивлена. — Ты чего-то забыла? Артём сказал, что ты уехала к маме. Или к подругам. Кто теперь разберет этих «больных»?

— Мне нужны вещи, — голос дрогнул, но я заставила себя смотреть ей прямо в глаза. — И документы.

Лиза усмехнулась и поднесла кружку к губам. Я ждала, пока она отпьёт: документы у меня кончались паспортом, которого ещё нужно было добиться.

— Твои старые тряпки уже упакованы. На балконе. Мусорные пакеты. Не перепутай с мусором для вывоза. Там ещё твои фартуки и эти... детские рисунки, если они остались. Хотя, сомневаюсь. Артём любит порядок. А хаос он выбрасывает.

Лиза отступила от двери. Я прошла боком, чтобы не задеть её кружку, и только в прихожей поняла, что стараюсь быть удобной даже сейчас. В собственной квартире. Она уже распорядилась, где мне можно стоять и что брать, а я всё ещё берегла её кофе.

Квартира пахла новой краской и дорогим табаком. Мебель была та же, но расстановка изменилась: мой рабочий стол исчез из гостиной, а его место занял огромный кожаный диван. На стене, где раньше висели мои эскизы городских ландшафтов, зияли пустые прямоугольники обоев. За краем дивана оставалась светлая полоса на полу от моего стола. Переставили всё за ночь.

— Кабинет, — бросила я, проходя мимо неё.

— Стой, — Лиза не тронула меня руками, просто преградила путь плечом. — Артём просил передать: никаких рабочих материалов. Интеллектуальная собственность компании «Монолит». Ты же помнишь контракт? Там пункт о неразглашении. Даже после развода.

— Там был пункт о совместной деятельности, — отрезала я. — О том, что авторство остается за тем, кто создал проект.

— Авторство? — Лиза засмеялась и оглянулась в квартиру, словно хотела поделиться моей глупостью ещё с кем-нибудь. — Дорогая, ты была музой. Муза не имеет прав на произведение. Только вдохновитель. А вдохновитель молчит.

Я обошла её. Она не стала останавливать силой. Ей это было невыгодно. Она посторонилась и оглянулась на охрану. При свидетелях Лиза пропустила меня сама; позже наверняка вспомнит только эту часть.

Кабинет был закрыт. Я толкнула дверь плечом. Дверь подалась: её лишь прикрыли. Внутри пахло пылью и чернилами. Артём сидел за своим столом, перебирая бумаги. Он не поднял глаз.

— Ты пришла, — сказал Артём, не переставая перебирать бумаги. Я ждала, когда он наконец посмотрит на меня. Всю ночь готовила вопросы; говорить их в склонённую голову было невозможно.

— Где чертежи «Горизонта»? — спросила я, когда он положил очередной лист на стол. — И флешка с исходниками. Я не стала садиться. Пусть сначала отдаст то, за чем пришла.

Артём медленно поднял голову. Его глаза были спокойными, почти добрыми. Он мог бы так же посмотреть на меня через стол за завтраком. От этого хотелось отступить к двери.

— Вероника, посмотри на себя. Ты бледная. У тебя дергается веко. Тебе нужно отдохнуть.

— Чертежи!

Из ящика он достал зелёную флешку. Я сразу её узнала; хотелось протянуть руку и забрать, пока он не убрал обратно. На ней были версии расчётов, которые мы не отправляли заказчику, переделки после разговоров с подрядчиками, мои пометки. Три года я таскала этот носитель из дома в офис. Теперь он лежал между пальцами Артёма, и тот нарочно медлил.

— Всё, что находится на территории компании, принадлежит компании, — произнес он монотонно, как судья, читающий приговор. — Это имущество «Монолита». А ты... ты лишь бывший сотрудник. Без доступа к архивам.

Он разломил пластиковый корпус. Я услышала хруст и дёрнулась к столу, но он уже бросил обломки в корзину шредера.

Обломки стукнулись о край корзины. Я смотрела, не проскочил ли между ними чип: его ещё можно было попытаться спасти.

Сам чип он раздавил пресс-папье. Я продолжала смотреть, хотя толку уже не было: этот носитель мне не вернут. Нужно искать резервные версии. Нужен доступ к архиву, нужно вспомнить, что и когда туда скопировала. А я никак не могла перестать смотреть на зелёный пластик в корзине.

— Зачем? — прошептала я.

— Чтобы ты не соблазнила кого-нибудь еще, — Артём улыбнулся уголками губ. — Ты талантлива, Вероника. Слишком талантлива для жены директора. Жена должна быть удобной. Молчаливой. Больной, если надо.

Он вытащил из кармана пиджака сложенную бумагу и положил передо мной.

— Прочитай.

Я взяла лист. Бумага была плотной, дорогой. Шапка клиники, печать, подписи врачей. Диагноз: «Параноидальное расстройство личности, склонность к истерическому реагированию, социальная опасность». Дата — вчера. Врач, которого я никогда не видела.

— Ты подделал, — сказала я. Голос звучал чужим.

— Я заплатил, — поправил Артём. — Есть разница. И знаешь, что самое смешное? Никто не будет проверять. Потому что все видели, как ты кричала в зале на премьере. Все слышали, как ты обвиняла меня в краже идей. Ты сама создала образ сумасшедшей. А я просто закрепил его документально.

На стук Артём даже не ответил. Мужчина в сером костюме вошёл сам, положил портфель на свободный край стола. Его я уже видела рядом с мужем на переговорах. Теперь адвокат пришёл на разговор со мной и, прежде чем заговорить, выровнял листы перед Артёмом.

— Вероника Ильинична, — начал он, доставая из портфеля папку. — Нам нужно подписать соглашение. Развод по взаимному согласию. Отказ от имущественных претензий. Отказ от права использования бренда «Архитектурное бюро Гром». Полное прекращение любых связей с корпорацией.

— Я не подпишу, — сказала я. Руки дрожали, но я сжала кулаки. — Вы хотите, чтобы я признала себя больной? Чтобы вы могли засадить меня в клинику или лишить дееспособности?

Адвокат посмотрел на Артёма. Тот кивнул.

— Если вы откажетесь, мы будем вынуждены обратиться в органы опеки и полицию, — адвокат говорил спокойно, как о погоде. — Сейчас, в этой квартире, находятся ваши личные вещи, которые формально являются предметами интерьера компании. Вы нарушаете неприкосновенность частной собственности. Охрана внизу готова вызвать патруль.

У двери появились двое в чёрной форме. Звать их Артёму не пришлось — сами подошли, когда адвокат заговорил о полиции. Я посмотрела на проход: выйти можно было только мимо них. Они ждали, не вмешиваясь в разговор.

Я посмотрела на двоих у двери. Адвокат уже предлагал вызвать патруль; за Лизой были её записи и справка, за мной — крик вчерашнего вечера. Начну сопротивляться — снимут ещё. Уйду без подписи — не отдадут даже паспорт. Нельзя было садиться за стол, но стоять здесь с этим отказом тоже не получалось. Я всё пыталась придумать, что предложить вместо того, чего они добивались.

— Компромисс, — сказала я адвокату. К Артёму повернулась только после паузы. — Я молчу. Я не говорю ни слова о плагиате. Ни журналистам, ни следствию. Взамен вы оставляете мне эту квартиру. И право на имя. Всё-таки произнесла. Теперь нужно было дожидаться ответа, не начинать торговаться с собой ещё до него.

Артём рассмеялся. Тихо, приятно.

— Квартира заложена, Вероника. Под кредиты «Монолита». Если ты не подпишешь отказ от активов, банк опишет имущество. А твоя недееспособность... ну, скажем так, делает процесс ареста быстрее и приятнее для нас.

Он повернул монитор ноутбука ко мне. На экране появилось видео. Моя квартира. Коридор. Лиза стоит в углу, снимая на телефон. Я вхожу, кричу, машу руками. Это был монтаж: кадры из зала сменялись записью моего возвращения домой. Мой крик наложили на коридор квартиры. Я ещё помнила, как молча рылась в мешках.

— Видишь? — Артём показал на экран. — Истерика. Агрессия. Опасность. Это войдет в дело.

Артём даже не следил за экраном: всё проверил заранее. Смотрел на меня, ждал, как поведу себя теперь.

Глава 3

Я взяла бронзового всадника с полки. Он оказался тяжелее, чем помнила, основание упёрлось в сгиб пальцев. Артём наконец посмотрел на мои руки. Захотелось ударить хотя бы по витрине за его спиной — чтобы треснуло что-нибудь здесь, в его кабинете, а не только у меня. За стеклом было окно. С двенадцатого этажа к прохожим не докричаться. Осталось стекло совсем рядом, в комнате.

Разбитое стекло хотя бы услышат за дверью. Но выйдут ли соседи — и успеют ли раньше его охраны?

Артём не двинулся с места. Он даже не отвел взгляд. Просто смотрел на меня своими серыми, пустыми глазами.

— Разбей, — тихо сказал он. — И я добавлю в историю болезни пункт о попытке убийства супруга. Орудие преступления — тяжелый предмет интерьера. Полицейские придут через две минуты. Тебя скрутят. Принудительное лечение. Три года. А потом ты выйдешь никем. Старухой без денег и без имени.

Артём ждал, что я брошу статуэтку. Даже охрану не позвал, хотя мужчины стояли у двери. Бронза была тяжёлой; я могла разбить стекло или ударить его и на секунду представить, что хоть что-то решаю. А потом он покажет полиции запись. Я крепче взялась за основание, чтобы не выскользнуло само.

Рука начинала неметь от тяжести всадника. Я подняла его чуть выше, примерилась к стеклу и увидела своё отражение: рот открыт, брови сведены. С виду именно та женщина, о которой рассказывал Артём. Это бесило сильнее его угроз. Сейчас я могла разбить витрину — и он получит нужную запись.

В стекле отразилась Лиза с кружкой. Она смотрела на меня и ждала броска. От этого стало даже проще остановиться: вот кому я сейчас подарю своё движение. Перехватила всадника за основание. Можно повернуть его к стене и поставить обратно, пока она ещё снимает.

Она подняла телефон повыше, чтобы всадник точно попал в кадр. Я увидела чёрную линзу над краем кружки и опустила руку.

Я медленно поставила статуэтку обратно на полку. Основание стукнуло по полке. Лиза опустила телефон.

— Ручку, — сказала я.

Адвокат протянул мне перьевую ручку. Тяжелую, золотую.

За столом я придвинула соглашение к себе. Буквы были мелкие; наклонилась и прочла первую строку: «Я, Гром В.И., добровольно отказываюсь...» Ниже шли диагноз и обязательство молчать. Они оставили место только для моей подписи. Возразить на этой странице было негде.

Пока я устраивалась с ручкой, Артём откинулся в кресле. Больше не следил за статуэткой. Руки скрестил на груди, посмотрел на адвоката: ну наконец. Я знала эту улыбку по сделкам, которые он уже считал закрытыми. Сейчас улыбался мне. Я наклонилась к тексту, чтобы он не увидел, как хочется посмотреть на него ещё раз.

Я старалась запомнить важное: имя врача, дату на справке, номер договора. А в голове зачем-то оставалась Лизина кружка, грязная линза очков адвоката, скрип пола у входа. Эти мелочи всплывали сами. Не они помогут мне потом. Нужны имя и дата; я повторила их про себя, пока они ждали подписи.

Если сумею выйти отсюда, эти данные всё-таки проверю. Сейчас нужно было закончить с подписью, прежде чем Артём снова начнёт говорить про клинику.

На столе лежало соглашение. Я ещё могла выйти из этой комнаты; за эту возможность он требовал цену, которую придётся оспаривать позже.

Я прижала ручку к бумаге. Чернила потекли жирной, уверенной строкой. Подпись. Внизу страницы расплылась последняя буква. Я задержала ручку: нельзя было ещё и подарить ему удовольствие видеть, как я плачу.

— Готово, — сказал адвокат, забирая документы.

Адвокат забрал лист, и Артём впервые улыбнулся без усмешки. Полез за телефоном, словно разговор наконец перестал заслуживать внимания. Я проследила за страницей, прежде чем её убрали: номер экземпляра стоял возле нижнего края. Повторила его про себя. Пусть он проверяет сообщения, я ещё не закончила.

Я поднялась, держась за край стола, подождала, пока ноги перестанут подгибаться. Артём не спросил, куда пойду. Адвокат спрятал соглашение в папку и тоже уже не смотрел на меня.

— Спасибо, что проводил, — я посмотрела ему прямо в глаза. Никакой злобы. Никакой боли. Только пустота. И ожидание.

Артём приподнял бровь, будто ждал продолжения. Я ничего больше не сказала. Через секунду он опять посмотрел в телефон. Лиза уже шла открывать мне дверь — выпроваживала, как посетительницу, с которой всё решили.

Лиза открыла входную дверь.

— Береги себя, дорогуша, — мурлыкнула она. — Или нет. Тебе уже все равно.

Я вышла в подъезд. Шаг за шагом вниз. Лифт был занят охраной. Пришлось идти пешком. Двенадцать этажей. На площадках я останавливалась перевести дух и перехватить пакет.

На первом этаже я толкнула стеклянную дверь. Мороз ударил в лицо, обжигая щеки, нос, глаза. Холодный ветер высушил слезы, которые я не позволила себе выплакать внутри.

В руках у меня был единственный пакет с вещами. Одежда. Несколько книг. Блокнот с набросками, который я успела схватить со стола в последний момент, когда они отвлеклись на подпись. Маленький блокнот с загнутым углом. Проверила, сохранились ли первые страницы: там были даты работы над «Горизонтом».

За спиной хлопнула дверь подъезда. Звук был глухим, окончательным. Лиза больше не окликала меня. Я остановилась на ступеньке, перехватила пакет, чтобы ручка не порвалась, и пошла к бордюру.

Пакет бил по колену. Я перехватила его и пошла вдоль дома, стараясь не смотреть на окна своей квартиры. Прохожие обходили меня, машины брызгали грязью у бордюра. Книги и бельё в одном пакете — со стороны я, наверное, выглядела так, будто просто переезжаю. Хоть кто-то пока не знал про мой развод.

Вдруг тень упала на снег перед моими ногами.

Чёрный внедорожник с тонированными стеклами остановился у бордюра. Двигатель негромко урчал. Стекло пассажирской двери опустилось, пока я ещё стояла у бордюра.

Я замерла. Внутри машины было темно, но я чувствовала запах кожи, сигаретного дыма и чего-то металлического. Я отступила от машины, всё ещё держа пакет обеими руками.

В салоне я различала лицо Тарасова хуже, чем стекло между нами. Он смотрел на пакет, потом на меня, ждал ответа. Визитка такого человека могла открыть нужный кабинет; я знала это по тендерам Артёма. Только я не собиралась забирать с улицы ещё один приказ, пока даже не поняла, где буду ночевать.

Он не улыбнулся. Не предложил помощи. Он просто смотрел на меня, словно оценивая товар на аукционе.

— Ты выглядишь так, будто тебе нечего терять, — произнес он. Голос был хриплым, низким, вибрирующим в груди.

Я выпрямила спину. Пакет в руке стал тяжелее, но я держала его крепче.

— Мне нечего терять, — ответила я. Слова вырвались прежде, чем я вспомнила Катю. Мне ещё предстояло ей позвонить; всё-таки он не всё у меня отнял.

Максим чуть прищурился. Уголок его рта дернулся. Не улыбка. Предвкушение.

— Тогда садись, Вероника. У нас есть о чем поговорить.

Я отступила от бордюра. — Не сегодня.

Он не стал уговаривать. Протянул визитку через открытое окно. Я сунула её в карман: сейчас мне нужно было вернуться за остальными вещами, пока их не выбросили.

Глава 4

Дождь затекал за воротник, и я то и дело оттягивала мокрую ткань от шеи. У подъезда стояла лужа с бензиновыми разводами. Пришлось обойти её — в этих туфлях и без того промокли ноги. Дома можно было бы сразу переобуться. Я ещё успела подумать об этом, прежде чем увидела Диму у двери. Пять лет назад в этом подъезде мы спорили с Артёмом о плитке для кухни: я выбрала оттенок, он боялся, что испортим всё неправильным швом. Теперь нужно было попросить войти.

Дима обычно открывал мне дверь раньше, чем я успевала дотянуться до ручки. Сейчас остался на месте и скрестил руки. Я остановилась перед ним: мы знали друг друга по имени, нельзя же делать вид, что видишь меня впервые. Но он смотрел куда-то мимо плеча.

— Вероника Ильинична, мне очень жаль, но приказ есть приказ, — пробасил он, не поднимая глаз. — Судебные приставы наложили арест на имущество. Вы не можете войти. Ни за вещами, ни за документами.

— Там мои чертежи, Дим! — голос сорвался на визгливый фальцет, который я ненавидела. — Архивы проектов «Монолита». Это интеллектуальная собственность. Пускай Лещев сам их вынесет, если он такой хозяин жизни!

Дима снова отказал, и я больше не стала просить. Обошла его и пошла к служебной двери. Если парадный вход закрыт, вещи могли вынести через подсобку. Дёрнула холодную ручку; дверь подалась. Хотя бы здесь ещё не успели запереть.

Изнутри тянуло затхлостью и дорогим парфюмом. В полумраке коридора стояла фигура в бежевом тренче. Лиза Кравец. Она курила, выпуская дым прямо под потолочную люстру, и наблюдала за мной через зеркальную стенку лифта.

— О-о-о, гостя из прошлого, — протянула она. Голос у неё был сладкий, нарочито ласковый. — Ты всё ещё здесь? А я думала, ты уже поняла намёк.

— Где мои вещи? — спросила я тихо. Не кричала. Кричать было бы победой для неё.

Она прижала сигарету к подоконнику. На мраморе осталось пятно; раньше за такое я бы позвала уборщицу. Сейчас ждала ответа о вещах. Лиза посмотрела на меня и махнула рукой в сторону выхода.

— Смотри сама.

Я вышла следом. На газоне, размытом дождем, лежала картонная коробка. Открытая. Бумаги расплзлись по грязи, превращаясь в кашу. Рядом валялись мои книги по градостроительству, томик Борхеса, который Артём когда-то подарил на годовщину, и пара туфель.

— Старые бумаги никому не нужны, Вероника, — сказала Лиза, подходя ближе. Её каблук-шпилька ткнулся в лист с эскизом фасада. Моим эскизом. Тем самым, который Артём представил как свой. — А то, что нужно, уже в архиве компании. Под новым именем. Автор: А. Лещев. Запомни это сочетание букв. Оно будет гореть на всех билбордах города.

Шпилька прижала лист к земле. Я узнала карандашную пометку возле фасада — ещё можно было прочесть цифру. Лиза повернула каблук, бумага порвалась. Я дёрнулась вперёд, но наступить самой означало испортить соседний лист. Остановилась у коробки.

— Убери ногу, — произнесла я.

— Что? — Лиза подняла брови, делая вид, что не расслышала. — Или ты хочешь попросить милостыню? Как та бездомная кошка, которая сидит у нашего мусорного бака?

В окне третьего этажа я заметила телефон. Кто-то держал его над подоконником, направив вниз. Следом засветился второй экран. Узнала окно соседа, которому помогала с перепланировкой кухни. Он мог выйти за минуту — и остался снимать. Я представляла подписи к этим кадрам: «Развод года», «Бывшая жена олигарха собирает мусор». На фотографиях не будет видно, чьи это чертежи.

На телефоны хотелось заорать отдельно. Я ведь знала этих соседей, помогала им с планировкой, приносила кофе на собрания. Сейчас снимать было интереснее, чем выйти. Подобрала несколько мокрых листов и сунула в сумку. Бумага липла к пальцам, а я всё ждала, что кто-нибудь окликнет меня по имени. Ни один не окликнул.

Лиза усмехнулась, развернулась и ушла внутрь, хлопнув дверью так сильно, что стекло в тамбуре дрогнуло.

Я осталась одна под дождем.

В парке никого не было. Я выбрала скамейку и села, не проверяя, насколько мокро; джинсы всё равно промокли. Телефон продолжал вибрировать. Незнакомые номера, злые сообщения: «Ты опозорила нас всех», «Скотина», «Жди суда». Хотелось выключить, но ещё нужно было дозвониться Ольге. Я нашла её имя среди контактов.

Ольга должна была ответить. Мы со студенческих лет делили всё, начиная с комнаты в общежитии; ей не требовалось объяснять, кто такой Артём и почему я звоню среди дня. Набрала её номер и стояла с телефоном у уха. Хотелось сразу сказать: «Я приду, хорошо?» — без рассказа о том, что сейчас лежит в грязи у подъезда.

Ольга не отвечала. Я почти убрала телефон — и тут в трубке послышался телевизор, чье-то дыхание. Подождала, не называя имени: если ответил её муж, придётся ещё раз объяснять, зачем звоню.

— Вероника? — спросила она. Тихо. Напряженно.

— Оль, мне нужна помощь. Мне некуда идти. Дом опечатан. Артём... он сделал так, что я не могу забрать вещи. Можно у тебя пожить пару дней? Просто переночевать. Я не буду мешать.

Пауза затянулась. Я слышала, как на заднем плане мужской голос сказал: «Это она? Скажи, что ремонт».

— Вероника, послушай, — начала Ольга, и в её голосе появилось что-то новое. Страх. И расчет. — Мы сейчас... ну, у нас тут ремонт. Строители ходят, пыль, хаос. Да и вообще... Артём сказал, что если я буду помогать тебе собирать компромат или просто давать кров, он может испортить тендер мужу. Ты же понимаешь? Это бизнес. Личные отношения тут ни при чем.

— Бизнес? — переспросила я. — Ольга, мы дружим двадцать лет.

— Именно поэтому я не хочу, чтобы ты страдала из-за моих проблем. Но я не могу рисковать семьей. Прости.

Щелчок. Отбой.

Я сидела, глядя на экран телефона, где время соединения показало две минуты сорок секунд. Я всё ещё держала телефон у уха. Хотелось перезвонить и спросить, как может помешать тендеру одна ночь на её диване. Но она уже сказала «прости» — вместе с этим словом закрыла дверь. До отбоя я успела услышать, как муж Ольги снова заговорил о тендере. Голос был деловым, ничуть не встревоженным. Значит, муж Ольги тоже разговаривал с Артёмом раньше, чем со мной. Я посмотрела на кнопку повторного вызова и убрала телефон.

В мокрых рукавах я уже не чувствовала пальцев. Спрятала их под мышки. Ольга не перезвонила.

К вечеру зажглись фонари; к тому времени я обошла парк дважды. Дождь усилился, превращаясь в стену воды. Я блуждала по улицам, стараясь не попадать в зоны действия камер наблюдения. Мой телефон был разряжен наполовину. Сумка с мокрыми обрывками чертежей холодила руку.

У контейнерной площадки я остановилась. Здесь сильно пахло мокрым картоном, зато никто не оборачивался, чтобы рассмотреть моё лицо. За баком можно было сесть, не занимая

чужую скамейку. Сумку поставила на сухой край бордюра; хоть листы не будут больше лежать под дождём.

Я прислонилась спиной к холодному металлу бака и сползла по нему вниз, сев на бетонный бордюр. Меня трясло. Зубы стучали так громко, что заглушали шум дождя. Я пыталась согреть пальцы под мышками, но мокрые рукава только охладили кожу. До любой мести нужно было дожить хотя бы до утра.

В кармане пальто мои пальцы наткнулись на угол чего-то твердого. Я достала предмет. Это была визитка.

Максим Тарасов. Председатель совета директоров. Холдинг «Стратегия».

Он протянул её у моего подъезда, когда я вышла с пакетом вещей. Тогда я отмахнулась, считая это жестом вежливости или, возможно, скрытой насмешкой. Теперь бумага была мокрой, чернила расплылись синими разводами, но номер телефона читался отчетливо.

Тарасов скупал убыточные активы и земли. Я читала о его сделках, когда Артём искал участок; ни в одной не было бескорыстной помощи. Я знала, где Артём урезал расчёты и какие отчёты спрятал от комиссии. Тарасов наверняка хотел услышать именно это. Не попросит ли он такую же подпись, как Лещев, только на своей бумаге?

Ольге я больше не позвоню. В метро можно согреться, но утром снова придётся куда-то идти. Номер Тарасова хотя бы читался на мокрой бумаге.

Я набрала номер и задержала палец над вызовом. На экране осталось пятнадцать процентов. Телефон нужно беречь, но для чего — чтобы утром снова смотреть на пустой чат Ольги? Тарасов хотя бы оставил номер сам. Поправила сумку под боком, чтобы листы не намокали ещё сильнее. Очень хотелось, чтобы он ответил быстро.

Я нажала вызов и прижала телефон к уху обеими руками, чтобы не выронить.

Глава 5

К утру я добралась до метро и встала под навесом. Волосы липли к лицу, с пальцев на щеке осталась грязь от листов. Нужно умыться прежде встречи. Посмотрела на витрины: в какой можно зайти и спросить, где туалет, чтобы меня не вывели обратно?

Я ждала под навесом. Один прохожий придержал сумку, обходя меня; другая женщина почти побежала мимо. Наверное, от меня пахло мокрой бумагой и улицей. До вчерашнего дня я в подобных местах думала только о том, как устроен вход, а теперь — где можно умыться и не получить ещё один отказ.

В стекле магазина отразилась моя сумка и перекошенное пальто. Я остановилась, чтобы поправить ремень; увидела лицо и задержалась. Тушь под глазами подсохла полосами, волосы лежали на щеке. Даже на собеседование в таком виде не пойдут. Осторожно отвела сумку от плеча — синяк болел — и проверила, не видно ли мокрых листов из раскрытого кармана.

Тушь уже размазалась, добавлять к ней слёзы было бы глупо. Вытерла воду с лица рукавом. На пальто остался чёрный след. Артём ещё скажет, что я сама довела себя до такого вида; пусть. Нужно было умыться до встречи, не пытаться убедить собственное отражение, что всё ещё поправимо. Я посмотрела, где открыта дверь магазина.

Я выпрямила спину. Подтянула ремень сумки. Посмотрела на свое отражение еще раз.

«Запомни это лицо, Вероника, — сказала я себе. — За этими глазами он рисовал болезнь. Ты же знаешь, почему не спала. Умойся, доберись и покажи работу».

Такси остановилось у бордюра. Черный седан. Дорогой. Я не заказывала его. Он ждал.

Я села на заднее сиденье. Внутри было тепло, пахло кожей и сигаретами. Водитель не обернулся. Он просто протянул мне смартфон. На экране был открыт чат с одним контактом: М. Тарасов.

Сообщение было коротким: «Адрес ниже. Приезжай одна»

Я набрала адрес в навигаторе. Машина тронулась.

Москва просыпалась. В машине было тепло, и я впервые за ночь могла смотреть на улицу, не шурясь от дождя. Люди заходили в офисные центры, держали стаканы с кофе, поправляли сумки. Я тоже ехала на встречу. Пусть только предложит работу — настоящую, с задачей и сроком, а не разговор о том, какая я бедная.

Мысли путались. Зачем я еду? Что он хочет? Может, он просто хочет унижить меня окончательно? Показать, что даже моя судьба принадлежит ему?

Страшно было ехать, конечно. Просто голод и усталость мешали бояться как следует. Сумку положила на колени и придерживала мокрые листы: высохнут комом — не развернуть. Нужно показать хотя бы один внятный чертёж. А дальше я собиралась спросить Тарасова, что именно он хочет от меня, и дожидаться ответа, даже если мне не понравится.

Машина свернула к зданию со стеклянным фасадом. Я поискала вывеску, потом вход: здесь не было привычного парадного крыльца «Монолита», ступеней и бронзовых ручек. Сквозь стекло виднелся турникет. Хотелось заранее знать, пустят ли меня с этой сумкой или придётся опять объяснять охраннику, что пришла работать.

Лифт поднялся на последний этаж. Двери открылись в приемную, пустую и молчаливую. Секретарши не было. Только огромные панорамные окна, выходящие на центр Москвы. Город лежал внизу, как игрушечная модель.

Дверь кабинета открылась бесшумно.

Максим Тарасов стоял у окна. Спина ко мне. Широкие плечи, темный костюм, идеально сидящий по фигуре. Он не повернулся сразу. Дождался, пока я войду и закрою за собой дверь. За спиной щёлкнул замок; я обернулась к двери.

— Вы рано, — сказал он. Голос низкий, бархатный, без тени удивления. Я шагнула вперед. Туфли оставляли влажные следы на дорогом паркете.

— Я не звонила вам утром, — ответила я. — Я звонила ночью. Из парка.

Тарасов медленно повернулся. Его лицо было спокойным. Глаза — серые, пронзительные, изучающие. На губах играла едва заметная полуулыбка. Не добрая. Хищная.

— Знаю, — сказал он. — Я ждал этого звонка ровно три часа.

Он подошел к столу, взял стакан с водой и поставил его передо мной.

— Вы предполагали, что я найду вас? — спросила я, чувствуя, как холодеют пальцы.

— Я не гадаю, Вероника. Я рассчитываю вероятности. — Он оперся руками о край стола, склоняясь чуть вперед. Интимность позы была ложной; за ней стояла власть. — Вы изолированы. Ваш круг общения исчез. Ваши ресурсы исчерпаны. Единственный человек, который может дать вам защиту, ресурсы и доступ к правосудию, находится в этой комнате. Вы позвоните. Вопрос был только во времени.

Он перечислял мои потери, не заглядывая в бумаги. Некоторых обстоятельств я ему не сообщала. Я по привычке оглянулась на закрытую дверь. Это было страшно. Но одновременно это было освобождением. Мне уже не требовалось объяснять мокрую одежду и пустую сумку. Осталось выяснить, что он просит за защиту, и услышать это до подписи.

— Почему вы остановились у моего дома? — спросила я.

— Я не помогал. Я наблюдал. И запоминал. — Он выпрямился. — Артём Лещев — посредственность. Он ворует идеи, потому что сам их не способен создать. Вы — архитектор. Настоящий. Ваша работа спасла бы сотни людей, если бы вы не позволяли ему делать из неё фарс.

Стакан с водой стоял передо мной. Хотелось выпить, однако я не бралась за него: ещё предложит душ и отдых вместо ответа. После его слов о моей работе нужно было услышать, какую цену за неё предлагает.

— Что вы хотите? — спросила я.

— Контракт. Вы проектируете для меня объект. Тайно. Под псевдонимом. Вы используете свои знания о «Монолите», чтобы найти слабые места Лещева. А я обеспечиваю вашу безопасность и юридическую поддержку для восстановления ваших прав.

— И цена?

— Ваша верность. Пока проект не будет готов. И ваша честность. Даже если правда будет неудобной.

Тарасов указал на кресло возле стола. До него оставалось несколько шагов, и я не спешила садиться. Сейчас хотя бы могла задавать вопросы стоя; боялась, что в мягком кресле сразу захочется согласиться на всё, лишь бы не вставать.

Я задержала взгляд на его ладони: большие пальцы, короткие ногти. Потом посмотрела на планшет возле кресла. Подписывать пока нечего, но он уже приготовил мне место. Я всё ещё стояла с сумкой.

У него были работа и юристы, у меня — чертежи и то, что я помнила об Артёме. Если условия окажутся такими же, выходить придётся снова под дождь.

Артём хотел, чтобы я исчезла. Чтобы меня не было.

Я сделала шаг вперед и села в кресло. Кожа кресла скрипнула.

— Я не просила помощи, Максим, — произнесла я, глядя ему прямо в глаза. — Я просила работу.

Он улыбнулся. Впервые по-настоящему. Улыбка была холодной, но удовлетворенной.

— Разница между этими словами для меня минимальна, — ответил он.

В этот момент за окном небо прочертила молния. Свет в кабинете мигнул и померк, погружая нас в полутьму. У окна оставался виден его силуэт. Я ещё ничего не подписала. Но впервые с премьеры передо мной лежала работа, а не требование от неё отказаться.

Глава 6

После разговора с Тарасовым я всё-таки поехала в «Монолит». Нужны были личные документы из рабочего стола. К вечеру мокрый мартовский снег сменился морозом; пальцы уже плохо сгибались. Я стояла на крыльце бизнес-центра «Монолит», вцепившись пальцами в тонкую ткань своего весеннего пальто. Оно было красивым — бежевый кашемир, который Артём купил мне на годовщину, когда хотел загладить вину за очередную командировку. Промокший кашемир тянул плечи вниз. Я сжала края пальто под подбородком. Телефон разрядился в кармане; кошелёк остался в доме, шарф я потеряла. Только сумка с черновиками, прижатая к груди, как щит.

Через стекло было видно, как сотрудники идут к лифтам. Тёплый холл, мрамор, свет — всё знакомое; я годами проходила здесь, не думая, откроют ли мне. Теперь дверь не поддавалась, а люди внутри старательно не смотрели в мою сторону. В утреннем заголовке меня уже называли бывшей женой гендиректора. Как быстро они успели убрать профессию.

Я толкнула дверь. Она не открылась. Заперта изнутри.

В стекле я увидела красное от холода лицо и выбившиеся волосы. Поправила пучок, хотя кому здесь нужна моя причёска. Охраннику достаточно одной новости, чтобы отказать. Всё равно хотелось выглядеть женщиной, которая пришла по делу, а не просится переночевать.

— Простите! — крикнула я в стекло. Голос сорвался в хрип. — Мне нужно увидеть Лещева! Или хотя бы позвонить кому-то!

Охранник поднял глаза от монитора, посмотрел на меня и остался сидеть. Никакой неожиданности; значит, его предупредили. Я показала на дверь, но он даже не потянулся к кнопке. Слушать меня он согласился только через стекло.

— Уходите, женщина, — бросил он, даже не вставая. — Тут частная территория. И вам лучше не создавать проблем. В новостях писали, что вы... нездоровы. Не надо усложнять.

«Нездоровы» он повторил вслед за Артёмом. У меня даже не спросили документы; новость оказалась убедительнее имени в паспорте. Я на секунду представила, как бью кулаком по стеклу, и тут же поняла, какой кадр они получают. Пальцы уже онемели, толком не сжать. Отступила от двери.

Отойдя от двери, я переступила с ноги на ногу. Подошвы были тонкие, офисные; ступни болели так, что хотелось разуться. На мокрой плитке от этого станет только хуже. Я посмотрела на ступени, прикидывая, сумею ли дойти вниз без перил.

Из тени колонны справа вышел человек. Высокий, в длинном черном пальто, с поднятым воротником. Он был сухой; я невольно посмотрела, где стоит его машина. Он не торопился. Он просто остановился в паре метров от меня, засунув руки в карманы.

Максим Тарасов.

Тарасов остановился под светом над дверью. Теперь я могла рассмотреть лицо: острые скулы, на щеке ни капли дождя. Сухое пальто тоже раздражало. Он посмотрел на мои мокрые туфли; я подвинула сумку, чтобы не капало прямо на них. Этот человек покупал участки, которые Артём не мог получить месяцами. Неужели приехал только узнать, насколько плохо я выгляжу?

— Холодно, Вероника, — сказал он. Голос был низким, бархатным и абсолютно равнодушным. — Вы умрете здесь через час. А может, и раньше. Вы хоть чувствуете ещё пальцы?

— Что вам нужно? — спросила я, стараясь не показывать, как сильно дрожу.

Тарасов достал из внутреннего кармана связку ключей. Тяжелых, старомодных, латунных. Он бросил их мне. Ключи звякнули о мраморное крыльцо, прокатились к моим ногам.

— Служебный вход со стороны паркинга В2, — объяснил он. — Там тепло. Есть кофе. И есть связь.

Я посмотрела на ключи, потом на него.

— Бесплатно? — усмехнулась я горько.

— Ничего в этом мире не бывает бесплатно, особенно после полуночи, — ответил Тарасов. — Если хотите тепла — платите правдой. Расскажите мне, почему проект «Горизонт» трескается на фундаменте. И почему Артём Лещев спрятал геологические отчеты.

Я замерла. Откуда он знает про фундамент? Про отчеты? Эти данные были доступны только узкому кругу инженеров и заказчика. То есть, мне и Артёму.

— Вы манипулятор, — прошептала я.

— Я циник, — поправил он. — Я спрашиваю про отчёты. Они есть или нет? Берете ключ или нет? Выбор за вами.

Я хотела поднять ключи, но представляла, как Лещев потом покажет это на камере: ещё вчера жена, сегодня подбирает подачку у его конкурента.

Ключи остались у моих ног. Поднять их — и он будет ждать ответ про геологию. Сначала нужно согреться, потом объяснять; я не хотела платить за кофе тем, что сейчас ещё не могла толком сформулировать. До метро должно быть недалеко. Отступила, оставив ключи на плитке.

— Вы ошибаетесь, — сказала я, задрав подбородок. — Я не ваша информаторша.

Тарасов не возразил. Он просто развернулся и пошел обратно в тень здания, растворяясь во мраке. Он не оглянулся. Ключи остались на крыльце, я их не подняла.

К выходу с территории я пошла осторожно: пальцы ног уже не чувствовала и боялась подвернуть ногу. Машины на парковке были чужими, в них сидели люди, которым сейчас не требовалось объяснять своё здоровье. Я попробовала вспомнить ближайшее метро. Главное — дойти туда, где тепло. Разбираться с Тарасовым можно потом.

Внезапно фары вспыхнули прямо передо мной. Ослепительно, агрессивно. Черный внедорожник «Лендровер» медленно подъехал и затормозил, перегорев путь. Стекло водительской двери опустилось вниз с электронным шипением.

За рулём была Лиза. Меховой воротник касался её подбородка, в машине работала печка. Она опустила стекло и посмотрела на мои ноги — как только что Тарасов. Я подтянула мокрую сумку выше. Не хотелось, чтобы она увидела, как под ней дрожат руки.

— Вероника! — протянула она сладко, как мед. — Так и знала, что встречу тебя тут. Бродяжничество — твой новый стиль жизни?

Лиза осмотрела мокрое пальто и улыбнулась. По обе стороны её машины стояли операторы. Я ещё не ответила, а они уже выбирали ракурс. Завтра подпишут кадр: «Бывшая жена директора Монолита ночует под дверями банка». И никто не спросит, зачем привезли камеры к женщине, которая пришла за документами.

— Езжайте домой, Лиза, — тихо сказала я. — Вам будет неудобно.

— Домой? — рассмеялась она. — Ты думаешь, я боюсь неудобств? Артём хочет, чтобы ты получила помощь. Медицинскую. Мы можем отвезти тебя в клинику «Психосфера». Там вежливые врачи. И тихие палаты. Без окон.

От вспышек пришлось отвернуться. Лиза ждала ответа, а операторы — чтобы я начала кричать. Сказать ей правду хотелось ужасно. И ужасно хотелось сесть хоть куда-нибудь. Если останусь спорить здесь, в записи опять будет только дрожащая, злая женщина. Её слов о клинике никто не запомнит. Я посмотрела, не закрыт ли проход к машине Тарасова.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.